

В. С. Гольшенко

Надстрочные знаки в ранних восточнославянских рукописях*

Надстрочные знаки, расположенные в междустрочье, как, впрочем, и небуквенные строчные знаки, находящиеся в пределах строки, образуемой верхним и нижним уровнями строчных букв, являются неотъемлемой составной частью письма славянских, в том числе и восточнославянских рукописей.

Так, без стоящей на строке, то есть на нижнем уровне строчных букв, или на середине высоты этих букв, точки, либо, что значительно реже, без выступающего в аналогичной роли двоеточия, без знаков конца абзаца разного графического облика, а также без одной или двух точек (или черточек) над *і* (иногда и над некоторыми другими буквами, например, над омегой и ижицей), без титла над сокращенными написаниями слов с выносом буквы под титло или без ее выноса представить себе текст древнеславянской рукописи невозможно.

В подавляющем большинстве этих рукописей употребляются небуквенные строчные и надстрочные знаки и иного рода и вида.

Так, например, Саввина книга XI—XIII вв. представляет собой кодекс, состоящий из четырех частей, две из которых (II и IV) написаны в древней Болгарии в XI в., а две другие — в древней Руси, при этом III часть в конце XI — нач. XII в., а I — в конце XIII в. [Савв. кн.: 32, 35, 37, 39]. В одной ее части (IV) каких-либо других надстрочных знаков, кроме титла, не имеется. В остальных частях наряду с титлом только над буквами гласных, кроме *ѣ*, представлены: точка (I, III), две точки (I, II) и вертикальный спиритус, обращенный спинкой к началу строки (II). Различаются в разных час-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-04-00153а).

тах Савв. кн. рисунком и знаки конца абзаца. Строчная же точка во всем кодексе стоит на середине высоты строчных букв.

Наше предварительное наблюдение за употреблением надстрочных знаков в Савв. кн. позволяет говорить о непоследовательном их употреблении (так, в I части рукописи в одних и тех же условиях точка, например, над буквой *и*, может и отсутствовать), а также о неразграничении функций надстрочного знака одного и того же рисунка (так, во II части вертикальный спиритус, спинка которого обращена к началу строки, употребляется в двух разных значениях: над буквой согласного в роли паерка и над буквой гласного, обозначая, возможно, йотацию, например, *дннѣ* 49б 18, *дни* 49б 16).

Ранних восточнославянских рукописей, в которых не имелось бы еще и других, кроме указанных надстрочных знаков, сравнительно немного. Вместе с тем оснащенность рукописных текстов небуквенными знаками, графический облик этих знаков, их семантика, степень последовательности их расстановки, одним словом, используемые «системы» употребления различны, как в разных рукописях, так обычно и у разных писцов одной и той же рукописи.

Для Изборника 1076 г. расстановка других надстрочных знаков, кроме титла и двух точек над *ї*, не характерна [Изборник: 106]. Единственным знаком, представленным у обоих писцов в междустрочье, является точка. Употребление ее писцами неодинаково. У второго писца она стоит только над буквой, написанной по подскобленному пергамену. Следует отметить, что нередко буква, написанная по подскобленному пергамену самим писцом, не отмечена точкой.

Проследить какую бы то ни было закономерность в постановке точки над строкой у первого писца не удалось. Над буквой, написанной по подскобленному пергамену самим писцом, точка употреблена всего лишь один раз. В остальных довольно многочисленных случаях она поставлена им над буквами как гласных, так и согласных, при этом в начале, конце, середине слова и даже в конце строки.

Такие знаки, как две точки над одной из двух рядом стоящих букв гласного, кроме *ї*, или две точки под титлом над *и*, несколько точек, от трех до восьми, над словом; одна косая вертикальная черточка с наклоном к началу или концу строки (\ , /); две косые вертикальные черточки с наклоном к концу строки (//), а также комбинация точки или маленькой скобки с косой вертикальной черточкой, имеющей наклон к концу строки (°, °') , — расставлены в рукописи непоследовательно, внесены позднее, по-видимому, «реставраторами» текста [Изборник: 108].

Большое разнообразие надстрочных знаков представлено в Мстиславовом Евангелии XI—XII вв. (далее Мст. Ев.). Наряду с титлами в этой рукописи надстрочными знаками, как пишет Л. П. Жуковская, выступают точка, запятые, которые «могут иметь пять направлений: 1) как современная запятая; 2) зеркальное по вертикали; 3 и 4) два зеркальных к ним по горизонтали, т. е. подобные так называемым марровским кавычкам...; 5) могут лежать открытыми вверх. Иногда вместо запятых могут стоять скобочки. Скобочка может быть открыта не в стороны, а вверх. Редки случаи, когда такая скобочка стоит над *҃* (ижицей)... Вариантом скобочки является остренький уголок — «галочка» или «птичка»... Вариантом запятой является значок типа будущего паерка. Он имеет то более, то менее угловатую форму... Индивидуальным вариантом этого знака является н. з. в форме латинской буквы Z с поднятым вверх справа внизу отворотиком...» [Апракос: 21—22]. Описаны ею и различные графические варианты этого Z, а также единичные случаи употребления как надстрочных знаков: маленького крестика; знака «в форме „открывающей квадратной скобки“ с отворотами вверх и вниз и с более широкой ее верхней частью»; двух широко раздвинутых перевернутых запятых; наклонного штриха, перечеркнутого двумя очень тонкими черточками [Апракос: 22].

В результате наблюдений за графическим обликом надстрочных знаков, а также за системами их употребления в фонетическом и орфографическом значении Жуковская пришла к заключению, «что надстрочные знаки у писца Мст. независимо от их начертаний являются полисемантическими» [Апракос: 25]. Эти знаки выполняют различные функции: например, показателя начала слова, начинающегося с буквы гласного, наличия слогаобразующего призвука в группе согласных, наличия слогораздела после плавного в сочетаниях, восходящих к *tъrt, *tъrt, *tъlt, а также обозначения вторичного редуцированного при явлении второго полногласия, конца строки [Апракос: 24—25].

В Выголексинском сборнике XII в. из надстрочных знаков кроме титла употребляются две точки, похожие иногда на небольшие черточки. Они стоят главным образом над *ї*, *ѡ*, *ѣ* (в словах, начинающихся корнем *ѣд-*), а также в единичных написаниях над начальными буквами слов *-а*, *є*, *и*. Над *ѡ* в двух написаниях отмечена лишь одна точка, и один раз употреблен знак в виде маленькой скобки спинкой вниз. Встретился также единственный случай постановки знака, похожего на запятую [Выг. сб.: 65].

Как отмечает О. А. Князевская, в Успенском сборнике XII—XIII вв. «из надстрочных знаков, кроме титла... употребляются толь-

ко два штриха, которые ставятся над буквами **ѡ**, **ѣ**. Во второй части рукописи надстрочные знаки более разнообразны. Буквы **ѡ**, **ѣ** пишутся с двумя точками, но, кроме того, нередко над буквами гласных, йотированных и нейотированных, появляется знак, по форме близкий к запятой. Тот же знак ставится иногда и над буквами **р**, **л**, **н** (например, **кѣрмѣть** 116г 28, **спѣн|дронѣ** 148в 23). В некоторых случаях во втором почерке над буквами **л**, **н** перед гласными переднего ряда находим справа небольшую дужку, напоминающую знак мягкости» [Усп. сб.: 22].

Работ обобщающего характера, специально посвященных описанию результатов графико-орфографического и фонетического анализа надстрочных знаков в славянской письменности, а также методики их изучения, до сих пор не имеется. Такое состояние объясняется, по-видимому, прежде всего не столько отсутствием интереса к указанным проблемам, сколько тем, что все еще продолжается процесс накопления материала, извлекаемого из отдельных письменных памятников. Об употреблении, графическом облике и семантике некоторых надстрочных знаков в восточнославянских рукописях XI—XII вв., кроме указанных выше, как известно, писали: А. Х. Востоков [Востоков 1865: 140], Е. Ф. Карский [Карский 1885, 1979: 224—235], Н. Н. Дурново [Дурново 1922], М. А. Соколова [Соколова 1930], В. М. Марков [Марков 1965: 75—76], Р. В. Булатова [Булатова 1973: 90—91], И. Х. Тот [Тот 1976, 1985: 274—279], В. С. Гольщенко [Гольщенко 1987: 19—22, 34—46] и др. Наиболее полно изложены результаты графико-орфографического и фонетического анализа надстрочных знаков, употребляющихся в Мст. Ев., Л. П. Жуковской в разделе, предваряющем публикацию текста этой рукописи [Апракос: 20—26].

Ввиду малой изученности проблемы употребления в ранних славянских рукописях надстрочных знаков и обилия возникающих вопросов при наблюдении за их расстановкой и значением, а также для пополнения необходимого материала из рукописных источников, свидетельствующего о фонетическом и нефонетическом значении этих знаков, считаем возможным в данной статье представить результаты анализа графического облика надстрочных знаков и их семантики (в особенности употребляющихся над сочетаниями букв согласных) одной из восточнославянских рукописей — Типографском Евангелии XII в. (далее ТЕ).

В ТЕ, кроме титл разного рисунка, обусловленного видом сокращения слова — с выносом буквы под титло или без ее выноса, в междустрочье употребляются надстрочные значки разнообразного графического облика. Они имеют вид:

1) небольшого острого уголка, обращенного своей открытой частью: а) вниз, к строке или к верхнему уровню строчных букв ($\wedge$), то есть перевернутой «галочки» или «птички»; б) к концу строки ($\sphericalangle$); в) к правому верхнему углу листа рукописи ($\sphericalangle$) (при этом данный значок преимущественно значительно крупнее остальных);

2) небольшого размера скобочки: а) спинкой вверх ($\wedge$), похожей на камору или скорее на горизонтальный спиритус; б) спинкой, обращенной к началу строки (ϵ), похожей на вертикальный спиритус;

3) одной вертикальной черточкой с наклоном к концу строки ($'$) в виде акута (оксии);

4) двух небольших вертикальных черточек с наклоном к концу строки ($"$) или сдвоенного акута (оксии).

Кроме сдвоенного акута какие-либо другие соединения двух надстрочных значков над одной строчной буквой в ТЕ отсутствуют.

Наблюдение за распределением в ТЕ надстрочных знаков показало, что они употребляются как над буквами гласных, так и согласных. Графический же их облик преимущественно, даже на первый взгляд, как будто не связан с выполняемыми ими функциями. Исключение составляет лишь сдвоенный акут, который ставится только над буквой гласного и только над $\dot{i}$, $\ddot{u}$, $\ddot{y}$ (ижицей), например, $\dot{y}$ покрѣти 10г 20, $\ddot{u}$ тъ 52а 21. В остальных случаях рисунок надстрочного знака, по-видимому, не закреплен строго за определенной его функцией. Так, разного вида скобочки встречаются чаще всего над буквой гласного, а именно над второй из стоящих рядом этих букв, в том числе и над йотованными, при этом как в пределах одного слова, так и на стыке слов, например, $\dot{y}$ дѣаше $\dot{n}$ 16б 16, $\dot{y}$ прокаженъ $\dot{y}$ дѣица 17в 20—21, $\dot{y}$ такѡ $\dot{d}$ дѣвакъ 12в 23, $\dot{y}$ на $\dot{o}$ утрѣи 12г 15, $\dot{y}$ клицѡ $\dot{a}$ ще 13в 4.

Небольшого размера уголки разного вида пишутся преимущественно над буквой согласного, входящего в группу из двух или трех стоящих подряд этих букв, при этом либо между двумя буквами согласных, либо над левой деталью второй из них, например, $\dot{y}$ свирица 16в 10, $\dot{y}$ всѣи 16в 20, $\dot{y}$ тъгда 52в 5, $\dot{y}$ скръбь 52в 6, $\dot{y}$ сѣвори 101г 3.

Случаи взаимной мены описанных скобочек и уголков столь многочисленны, что позволяют говорить лишь о преимущественном употреблении одних из них над буквами гласных, а других — над буквами согласных.

Такие, довольно редко встречающиеся в ТЕ надстрочные знаки, как крупный уголок и в особенности значок в виде одной наклоненной к концу строки черточки, отмечены тоже как над буквой гласного, так и согласного.

Значок в виде акута встретился всего лишь в нескольких написаниях, например, [˘]ѢДАТЬ 69г 14 (других случаев с надстрочным значком при [˘]Ѣ в рукописи не отмечено), [˘]КТО 10б 10. Единичные случаи употребления указанного значка в ТЕ позволяют предположить, что он на самом деле представляет собой какой-то иной надстрочный знак, скорее всего недописанный или деформированный (см. ниже), либо вертикальный спиритус, употребляющийся над второй из стоящих рядом букв гласного (на стыке слов — [˘]рѣкама [˘]ѢДАТЬ), либо уголок, обращенный открытой частью вниз, употребляющийся преимущественно над буквой согласного ([˘]кѣто).

Уголок крупного размера, открытой частью обращенный к правому верхнему углу листа рукописи, употребляется над любой последней буквой в строке, при этом чаще над буквой согласного, чем гласного, а также иногда и над малыми инициалами **Г**, **И**, **А**, стоящими в начале или в середине строк, например, [˘]Исѣъ 1576 15, [˘]И 150в 11, [˘]Азъ 1576 25. Этот надстрочный значок отмечен над последней буквой гласного в строке, как в случае, когда над этой буквой, если она употреблена не в конце строки, вообще не должно стоять никакого надстрочного значка, например, [˘]сѣла |жнѣкътъ 33г 15, так и в случае, когда над буквой гласного должен был бы стоять иной значок, а именно, сдвоенный акут, например, ^{˘˘}архі |ерен 165б 8, или скобочка, например, [˘]хлמידю | 55г 1, [˘]ѣ |пендигомъ 169б 8.

Исходя из этого наиболее вероятным представляется предположение, что с помощью данного надстрочного значка (˘) главным образом маркируется конец строки [Гольщенко 2000].

В связи с рассматриваемыми в настоящей статье вопросами считаем возможным обратить внимание на употребление в научной литературе и соотношение с определяемыми ими понятиями терминов: *вариант*, *дублет* (*дублетные буквы*) и *эквивалент*. Как известно, термин *вариант* обозначает «видоизменение, разновидность», *дублет* — «второй экземпляр какой-нибудь вещи», а *эквивалент* — «нечто равноценное другому, вполне заменяющее его» [Словарь р. яз. 1953].

При описании и анализе буквенного или небуквенного, в данном случае надстрочного знака, для его характеристики имеют значение не только его рисунок, но и выполняемая им роль или функция. Общепринятым и не вызывающим вопросов является термин *графический вариант*, обозначающий видоизмененный рисунок того или иного знака.

Иначе обстоит дело с термином *дублет*, который употребляется нередко в значении термина *эквивалент*. Исходя из содержания этих терминов, считаем, что в зависимости от того, имеется ли в каждом конкретном случае в виду графический облик или функция описы-

ваемых знаков, необходимо указанные термины дополнять определениями: графический или функциональный.

Из понятия, определяемого термином *дублет*, становится ясно, что применительно к рисунку букв этот термин может быть отнесен безоговорочно только к печатным буквенным знакам одной гарнитуры, одного кегля и т. д. Рукописные начертания одного и того же знака у одного и того же писца чаще могут различаться (пусть даже несущественно, только мельчайшими деталями или размером), чем представлять собой «второй экземпляр» того же знака. Думается, что если и допустить по отношению к знакам идентичного, полностью сходного, тождественного начертания употребление термина *дублет*, то только с уточняющим его определением — *графический дублет*.

Графические варианты того или иного знака, а также разные знаки, выполняющие одну и ту же функцию, может быть и допустимо, но вряд ли целесообразно определять как *функциональные дублиеты*. Некорректно, на наш взгляд, рассуждая о функции тех или иных знаков, употреблять при них определение «дублетные», как это сделано, например, в отношении букв *оу* и *Ѹ* [Савв. кн.: 30].

Представляется, что в данном и подобных ему случаях лучше всего использовать термин *функциональный эквивалент*, то есть знак, равноценный и вполне заменяющий другой по функции. Такими в ранних восточнославянских рукописях выступают буква *оу* и ее графические варианты (по происхождению) *Ѹ* и *Ѹ* или буквы *ю*, *ѧ* и *Ѯ* и т. п.

При рукописном воспроизведении буквенных и небуквенных знаков появление их графических вариантов неизбежно. Отмечены они и в ТЕ. Изменения в графическом облике того или иного знака могут быть более или менее выразительными и существенными. Имеют в ТЕ графические варианты такие надстрочные знаки, как сдвоенный акут и крупного размера уголок, обращенный открытой частью к верхнему углу листа рукописи. Так, сдвоенный акут иногда преобразуется в две точки. Происходило это нередко из-за того, что пространство над строчной буквой в междустрочье было частично или даже полностью занято, например, титлом или расположенными в этом междустрочье деталями некоторых букв, находящихся на расположенной выше строке. Ими могли быть элементы так называемых «декоративных» букв увеличенного размера. Например, в написании *еванГелісТ* 2а 21, где два штриха над *ї*, составляющие сдвоенный акут, из-за нависшего над ними левого плеча «декоративного» *Т* не только стали короче, но превратились в две точки. Иногда этот графический вариант сдвоенного акута появляется как буд-

то и без видимых причин, например, над омегой в написании *ваѣлѣньскааго* Зг 11. Однако и в этом случае нельзя исключить того, что появлению сдвоенного акута в виде двух штрихов мог помешать хвост буквы *р* с предыдущей строки, располагающийся над буквой *л*, предшествующей омеге.

Различительным признаком уголков рассматриваемого выше рисунка является лишь их размер, или величина. Сохраняя указанный рисунок, уголок изредка имеет маленький размер. Наблюдение за употреблением этих крупных и небольших уголков убеждает в том, что при сравнительно небольшом числе случаев постановки маленького уголка вместо крупного и наоборот, следует видеть в них только графические варианты, а не два разных знака, каждый из которых выполняет свою определенную роль. Независимо от размера уголок рассматриваемого рисунка главным образом маркирует конец строки и лишь изредка представлен внутри строки. Употребляется он, как уже отмечалось, преимущественно над буквами согласных.

Рассуждая о графических вариантах отдельных надстрочных знаков в ТЕ, остановимся на фактах, свидетельствующих о наличии в данной рукописи деформированных по той или иной причине знаков, которые лишь условно могут быть отнесены к графическим вариантам того или иного знака. Так, деформированным надстрочным знаком следует считать такой, в котором стороны, образующие уголок (?), открытой частью обращенный вниз, к верхнему уровню строчных букв, не соединены сверху, например, *во ѡце* 158а 17. Заметим, что в данном случае над *а* как над второй из стоящих рядом букв гласного можно было бы ожидать появления скобочки (горизонтального спиритуса), а не уголка. Считать рассматриваемый знак все-таки графическим вариантом уголка, а не спиритуса, позволяет лишь то, что данный знак написан в два приема, а не в один, как обычно пишется в рукописи этот спиритус.

Отмечены случаи деформации и сдвоенного акута, который из-за изменения направления второй из составляющих его черточек, расположившейся не параллельно первой, а под углом к ней, стал более похожим на уголок с несоединенными сторонами, чем на этот акут, например, *ї |мъ* 169а 24. Нельзя при этом не обратить внимание на то, что это *ї* является в рассматриваемом примере последней буквой в строке. Следовательно, здесь вряд ли можно однозначно утверждать, имеем ли дело с деформацией сдвоенного акута или небольшого уголка, открытой частью обращенного к верхнему углу листа рукописи, графического варианта крупного уголка, маркирующего конец строки. Однако, думается, в этом случае деформирован

скорее всего именно сдвоенный акут, о чем свидетельствует и его употребление над *ї* в аналогичном положении в том же слове — *ї|мъ*, на том же листе (169) только в столбце б. И все-таки некоторое сомнение может сохраниться, поскольку, хотя тоже изредка, на месте ожидаемого сдвоенного акута в конце строки отмечены как маркирующие знаки и небольшой уголок описанного рисунка, например, *ѣ|покрѣти* 11г 4, и крупный, например, *архі|єрєи* 165б 8.

Итак, графические варианты одного и того же значка в ТЕ могут различаться размером или какими-то малосущественно измененными деталями, например в большей или меньшей степени выгнутой спинкой у спиритусов и т. п. Основные же, формообразующие признаки того или иного надстрочного знака при этом непременно сохраняются.

Бесспорно графически разными надстрочными знаками в ТЕ являются значки в виде острого уголка, скобочки (спиритуса) и акута. Вместе с тем внутри той или иной разновидности указанных значков имеются тоже разные знаки, а не только графические варианты одного и того же знака. Так, среди разнообразного вида небольших уголков, по-видимому, разными знаками следует считать такие, у которых открытая часть обращена вниз, к верхней линии строки ($\wedge$) или к концу строки ($\sphericalangle$), или к правому верхнему углу рукописи ($\vee$). Указанное графическое различие представляется нам более существенным признаком, отличающим один значок от другого, чем размер знака одного и того же рисунка, послуживший основанием для нас определять небольшой уголок, открытой частью обращенный к верхнему углу рукописи ($\vee$), как графический вариант крупного знака того же рисунка. Графически разными знаками являются также скобочки, спинкой обращенные вверх ($\frown$) или к началу строки ($\circ$).

Графически различные знаки могут, выполняя одну и ту же функцию, представлять собой функциональные эквиваленты. В ТЕ как функциональные эквиваленты употребляются надстрочные значки разной конфигурации — различного вида уголки и скобочки.

Так, выполняют одну и ту же функцию значки в виде небольшого уголка, различающиеся графически тем, куда обращена их открытая часть: вниз, к линии строки, или к концу строки. Убеждают в этом написания одного и того же слова, например, *брашѣно* 144в 5, где надстрочный знак в виде небольшого острого уголка, обращенного открытой частью к концу строки, и *брашѣно* 144в 6, в котором открытая часть того же знака обращена вниз, к линии строки. Как видим, описываемые знаки отмечены в написаниях одного и того же слова, находящихся в одинаковых условиях — в середине строк, при

этом расположенных на одном и том же листе, одна под другой. Надстрочные знаки указанных рисунков в данном случае выступают в одной роли — паерка, заменяя строчную букву редуцированного гласного, ср. **брашьна** 27в 13.

Как функциональные эквиваленты выступают и разного вида скобочки со спинкой, обращенной вверх ($\wedge$) или к началу строки (c), например, в написании **даѣннѣ** 13б 12. Более того, разные, графически маркированные надстрочные знаки (и уголки, и скобочки) являются функциональными эквивалентами, ибо могут употребляться как над буквами гласных, в том числе и йотованных, так и над буквами согласных, например: **раздроушениѣ** **ѣѣ** 14б 18, **изьми** **ѣ ѣ** **вьрзи** **ѣ** 9г 3, **распжстьнѣѣ** 9г 21, **вълци** 13г 2. К буквенному и небуквенному знаку, играющему роль функционального эквивалента, приложимо также определение «функционально не маркированный» знак.

В раннем восточнославянском письме встречаются буквенные знаки, не маркированные графически, когда в начертании каждого из них представлены одновременно элементы двух разных букв (например, **ж** и **л** в так называемом «третьем юсе»; **ц** и **ч** в знаке **ц**; **ь** и **ъ** в лигатуре **Ѣ**), или не маркированные функционально, когда один и тот же буквенный знак употребляется вместо разных букв (например, знак **ѣ** в роли монографа **ѣ**, ижицы, **ю** и в составе диграфа **оѣ**) [Гольщенко 1982, 1987, 1995].

Из графически не маркированных буквенных знаков в ТЕ употребляется только лигатура **Ѣ**, которая употребляется как в соответствии с сочетанием **т+ъ**, так и **т+ь**, или **т+ы** [Гольщенко 2000].

Анализ графического облика надстрочных знаков в ТЕ свидетельствует о том, что среди них нет таких, в рисунке которых были бы одновременно представлены детали разных знаков. Следовательно, все надстрочные знаки в ТЕ графически маркированы.

Функционально не маркированными в этой рукописи, как показал анализ их употребления, могут быть как буквенные знаки (например, **л** и **ѣ**; **оѣ**, **ѣ**, **ж**; **ю**, **ѣ**; лигатура **Ѣ**), так и небуквенные — надстрочные.

В ТЕ функционально не маркирована, например, буква **ѣ**, которая употребляется как после буквы гласного (например, в соответствии с ***ѣ** в прил. ж. ед. род. — **божиѣ** 2б 14), так и согласного, этимологически мягкого (например, в соответствии с ***ѣ** — **тѣжатель** 79а 14) или позиционно мягкого (например, в соответствии с ***а** — **прѣходящю** 16а 22).

В роли функционально не маркированных надстрочных знаков в ТЕ отмечены все представленные знаки, за исключением двоянно-

го акута. Что же касается единичных написаний, в которых акуты употреблены вместо ожидаемого уголка или скобочки, то речь в этих случаях вообще не может идти о них как о функциональных эквивалентах, а лишь как об ошибках писавшего (см. выше). К числу описок или ошибок такого рода следует отнести написание **прежде** 161а 14, где сдвоенный акут употреблен вместо небольшого острого уголка или скобочки. По-видимому, можно объяснять как ошибочное и употребление надстрочного значка в виде небольшого уголка, открытой частью обращенного к верхнему правому углу листа рукописи ($\surd$), между широкой буквой **и** и узкой — **і** в написании **и́соусть** 4б 13, где **и** является строчной буквой и не выполняет роли малого инициала, над которым мог бы быть употреблен крупный уголок аналогичного рисунка. Вероятно, рассматриваемый знак мог быть употреблен вместо сдвоенного акута, которого нет в этом случае над рядом стоящей буквой **і**. Вместе с тем необходимо заметить, что при малом инициале описываемый значок обычно проставлялся писцом не после этого инициала, а перед ним (ср., например, **И** 38б 4). Если же данный небольшой уголок при букве **и** употреблен не вместо сдвоенного акута, то, вне всякого сомнения, он помешал постановке этого акута над **і**.

О сколько-нибудь строгой соотнесенности и тем более о закреплении надстрочного знака того или иного рисунка за определенной функцией в ТЕ говорить не приходится. Наблюдается скорее всего лишь некоторое пристрастие писца к употреблению того или иного значка над буквой гласного или согласного: небольшие уголки как будто преобладают над буквами согласных, а скобочки — над буквами гласных. Отклонения от указанного «правила» многочисленны, что и дает право считать эти надстрочные знаки функциональными эквивалентами. Так, о смещении разного графического облика значков, как небольших уголков, так и скобочек, свидетельствуют, например, с одной стороны, написания: **та· и́зьми ꙗ́ иъ вързи ꙗ́** 3а 3—4, **и́смь ѡ́зь· ѡ́зь** 165б 21, в которых одни и те же знаки проставлены как над буквами гласных, так и согласных; с другой — **ѡ́ко** 3а 2, **ѡ́къмь** 3а 7, **ѡ́вьць** 34б 1, **ѡ́къмь** 3а 7, в которых разные значки стоят над одной и той же буквой гласного.

И все-таки полагать, что писец безразлично и бездумно относился к расстановке надстрочных знаков, вряд ли будет справедливо. Видимости неупорядоченного употребления надстрочных знаков в ТЕ содействует при графическом разнообразии их рисунков и употреблении большинства из этих знаков как функциональных эквивалентов непоследовательная и нерегулярная их расстановка.

Отсутствие надстрочных значков нередко вызвано чисто внешними, неязыковыми причинами, когда появлению этих знаков мешают уже имеющиеся в междустрочье детали (хвосты, ножки, перекладки) некоторых букв, титла, а также те или иные дефекты пергамента (дыры, зашитые разрывы).

В сокращенных написаниях слов из-за титла может отсутствовать, например, двоякий акут (^і, ^ї) — Исѣ 3г 15, оѣи 135а 8. Или, например, без надстрочного знака над второй из двух рядом стоящих букв гласного написано слово вѣржиѣ 159а 11, ибо место для этого знака над и занято левым плечом «декоративной» Т. Строкой ниже данное слово, над которым междустрочье свободно, пишется уже с надстрочным знаком — вѣржиѣте. Сравним также еще написания одного и того же слова на одном и том же л. 157: соудю в 1 и соудю б 24, где появлению надстрочного значка мешает в междустрочье хвост буквы х с предшествующей строки 23.

Не всегда, конечно, можно объяснить отсутствие в написании ожидаемого знака только указанными причинами. По известным лишь писцу обстоятельствам отсутствуют или имеются рассматриваемые знаки в тождественных или родственных словах, встречающихся в ТЕ на одном и том же листе, столбце, на близко расположенных строках, например, на л. 34 г: седьм 17, седьм 19, но седьм 20, седмицею 21. Заметим, что междустрочья над двумя последними написаниями свободны, а потому появлению надстрочных знаков ничего не мешало бы. О том же свидетельствуют и стоящие рядом написания на л. 38а 21—22: първѣи · и първѣи и послѣдѣни, в которых графические варианты надстрочного знака в виде небольшого уголка последовательно употреблены над двубуквенными сочетаниями согласных, тогда как над буквами гласных этот знак имеется лишь в одном из представленных четырех случаев.

Иногда писец как будто намеренно заменяет один надстрочный знак другим, который в данном случае является более выразительным, ибо зрительно не сливается с элементом стоящей выше строкой буквы. Так, в написании оумьслѣвъшю 4а б писец над і вместо двоякого акута пишет вертикальный спиритус, который лучше смотрится рядом с опускающимся в междустрочье хвостом буквы ц с расположенной выше строки 5.

По-видимому, умышленно писец опускает в написаниях хламидоу | чьрвленою 55г 1—2 ожидаемые над каждой из двух букв ю горизонтальный спиритус или небольшой уголок, ограничившись лишь постановкой над первой из этих букв большого уголка как показателя конца строки.

Можно предположить, что, по всей вероятности, писец иногда просто избегал употребления подряд или в соседних слогах двух одинаковых значков. Возможно, это происходило из желания разрушить возникающее зрительно однообразие знаков. Так, например, в написаниях *ѡѡанѣ* 2б 10, *ѡѡанѣ* 20б 12 вместо двух сдвоенных акутов подряд (над *ѡ* и *ѡ*) он пишет над омегой спиритус. Правда, несколькими строками ниже на этом же листе и в этом же столбце находим написание *хожденіи* | 2б 12 с двумя стоящими рядом *ї*. Заменять сдвоенный акут над *ї* другим значком писцу как будто не было свойственно. В этом и подобных ему случаях нельзя исключить того, что появление двух одинаковых узких вариантов буквы могло быть обусловлено экономией места в строке, стремлением избежать «рваной» вертикальной линии столбца [Голышенко 2000]. О нежелании нарушать эту линию свидетельствуют в ТЕ, кроме случаев употребления узких вариантов букв, также появление паерка вместо строчной буквы, что наглядно может быть проиллюстрировано сравнением, с одной стороны, написаний *о въпрошьшихъ* 90а 1, *о въпрошьшиимъ* 89г 2 и, с другой, — *о въпрошьшимъ* 89г 20, в котором писцу было необходимо во избежание образования «рваного» края столбца уменьшить длину 20-й строки. Сделать это было возможно в данном случае лишь сократив текст строки графически. С этой целью вместо строчной буквы *ь* писец ставит замещающий эту букву надстрочный значок. Убеждает в том, что это было сделано именно с указанной целью и появление в рассматриваемом написании вместо широкого варианта буквы *и*, а, быть может, даже и вместо двух таких букв (ср. приведенные выше написания этого слова с двумя *и*), узкого варианта этой буквы — *ї*.

Непоследовательность употребления надстрочных значков наглядно предстает при сопоставлении близко расположенных, находящихся нередко в одном и том же столбце текста и даже на соседних строках написаний одной и той же буквы в аналогичном положении, или одного и того же слова и его форм то с надстрочным значком, то без такого значка, хотя как правило его постановке ничто не мешало, например, над буквами гласных: *твоѡі* 12а 21 и *твѡк* 12а 19, *даѡниѡ* *влагата* *даѡати* 13б 20—21, *сеѡуѡ ѡди ѡ ѡдетъ* · *и* 14г 18 и *ѡ жални исходѡща* 15г 18, *приѡмлетъ* 19б 12 и *приѡмлетъ* 19б 13, 14, а также над буквами согласных: *правѡдничѡ* 19б 21 и *правѡдничю* 19б 22, *сѡтворитъ* 14г 22 и *сѡтвори* 4г 21.

Для определения выполняемой надстрочными знаками в ТЕ функции, экстралингвистической или, что в особенности важно, лингвистической, обратимся к рассмотрению условий, в которых эти знаки отмечены. Необходимо установить, все ли они, или лишь не-

которые из них могут иметь фонетическое значение и какое именно. В связи с этим следует выяснить: во-первых, над какими буквами гласных и согласных или сочетаниями тех или иных букв эти знаки отмечены; во-вторых, место их постановки — над сочетанием букв или только над одной буквой, в том числе и входящей в дву- или трехбуквенные сочетания, и, в-третьих, — над самой буквой, или слева, либо справа от нее, а в сочетаниях букв — над первой или второй из них, или над одним из элементов той или иной из этих букв, левым или правым.

Как оказалось, место расположения надстрочных знаков в ТЕ представляет одну из графико-орфографических особенностей этой рукописи. Расположенный над последней буквой дву- и трехбуквенного сочетания согласных, в том числе и над ее левым элементом, и даже после нее, надстрочный знак обычно имеет отношение не к этой последней, а к предшествующей ей букве, например, *нѣсходитѣ* 70в 16.

Существует мнение, что постановка надстрочного знака над буквами, обозначающими слогаобразующие звуки, облегчает чтение текста, способствуя делению слов на слоги.

Надстрочные знаки над буквами гласных в ранних славянских рукописях могут иметь также и экстралингвистическое значение, поскольку появление этих знаков могло быть обусловлено желанием писца употреблять их по традиции, восходящей к византийскому письму, или, как нам кажется, даже использовать эти знаки как один из элементов украшения рукописного текста.

Не составляет исключения в данном случае и ТЕ, в котором надстрочные знаки употребляются, хотя и непоследовательно, над второй из двух стоящих рядом букв гласного (кроме позиции после **Ѣ**), или над каждой из двух последних в трехбуквенном сочетании букв гласного, в том числе и на стыке слов.

Несомненный интерес в ранних восточнославянских рукописях вызывает употребление надстрочных знаков при буквах согласного, поскольку в указанном положении эти знаки значительно чаще, чем при букве гласного, могут иметь фонетическое значение.

В ТЕ надстрочный знак отмечен над буквой согласного, как правило, входящей в сочетания из двух или трех этих букв, в том числе и находящихся на стыке слов. Исключения очень редки, например, *зѣваѣни* 38б 11, где роль надстрочного знака в виде скобочки непонятна, и скорее всего появление этого и подобного ему написания может быть объяснено только ошибкой писца, употребившего эту скобочку вместо крупного уголка, маркирующего конец строки.

Место постановки надстрочного знака над буквой согласного, как показало наше наблюдение, зависит от места расположения сочетания этих букв: внутри строки или в ее конце. Над сочетаниями, стоящими внутри строки, этот знак находится после первой буквы согласного как бы над межбуквенным пространством двух рядом стоящих букв, например, *слѣпѣмъ* 29а 14, или над левой деталью второй из этих букв, например, *кѣмъ* 28а 14, *сърдѣца* 133в 5. Иногда надстрочный знак стоит даже уже за второй из двух стоящих рядом букв согласного, например, *тъгда* 23б 14, *послѣднѣша* 23б 19.

Значительно реже, чем внутри строки, надстрочные знаки при букве согласного встречаются в конце строки, при этом как тогда, когда после этой буквы имеется небуквенный строчный знак — точка или знак конца абзаца, например, *вашнхъ* | *змиа* 45в 22, *близнцъ* | *не* 168в 8, *неджгъ* ∴ 2а 13, так и в абсолютном ее конце — при переносе слова, например, *скъръ* | *бѣти* 52в 3. И в том, и в другом случае надстрочный знак находится над буквой согласного, при этом нередко он лишь несколько сдвинут вправо, располагаясь над правым элементом этой буквы и, как отмечалось выше, обычно имеет более крупный размер.

Функция надстрочных знаков в ТЕ, как показал анализ выполняемой ими роли, по большому счету не зависит от их конфигурации. Это позволяет далее при изложении материала не принимать во внимание различие графического облика этих знаков и передавать знаки любого рисунка унифицированно: одним и тем же знаком в виде запятой (').

Анализируя функцию надстрочных знаков при буквах согласных в ТЕ, приходим к выводу, что в подавляющем большинстве случаев эти знаки употребляются в роли паерка вместо строчных букв, обозначающих как этимологически обусловленные, так и не обусловленные редуцированные гласные. В соответствии с этимологически оправданными редуцированными гласными они отмечены, например, в написаниях *много* 16а 4, *притча* 2в 23, *ръпѣтаахоу* 145а 12, *наслѣдникъ* 79б 13, *въ житѣнницу* 25б 10, *пшеницу* 25б 9, *всѣхъ* 25б 18, *ѿ различнѣхъ* 2а 13. Вместо этимологически не оправданных букв редуцированных надстрочные значки представлены, например, в написаниях *познали* 159б 15 (и в других глагольных формах с этим корнем), *дворъ* 164б 24, *страшиви* 15г 5, *къмъ* 28а 14, *хлѣбъ* 30б 1, *талантъ* 49б 3, *штъ марка* 59а 21, *еуангелѣа* 59а 22, *кваса* 72а 16, 17, *възвращъ са* 15а 21, *о финикъсни* 2б 15, *седмъ* 30б 1.

Особую группу составляют написания, восходящие к индоевропейским сочетаниям *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt. Заметим, что в рукописи последовательно соблюдается в рассматриваемых сочетаниях древне-

русский порядок букв, где буква редуцированного гласного предшествует букве плавного согласного, например, **сърпъ** 65б 24, **оумьртвѣать** 126а 11, **въвьрженж** 33г 23, **тьржнѣкъ** 39г 19, **испъльнъ** 27г 11. Написания с буквами редуцированных гласных по обе стороны буквы плавного в соответствии с рассматриваемыми сочетаниями единичны. Они отмечены только в сочетаниях, восходящих к *tʏrt и лишь при переносе: **въвьръ|женж** 34а 9, **свьвьръ|шени** 163в 18, **ѡ мьръ|твьнхъ** 169в 14.

Преобладают же в ТЕ в соответствии с сочетаниями *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt написания с буквой редуцированного перед буквой плавного и с надстрочным значком после буквы плавного, при этом как в строке, например, **мьртъ|вухъ** 57г 11, **тьржнѣци** 20б 6, **съ зьлъ|чью** 56а 6, так и при переносе слова, например, **растьръ|гнжтъ** 13б 2, **скъръ|бѣти** 52в 3, **дълъ|гъ** 35в 10.

На употребление в древнерусских рукописях надстрочных знаков над буквами плавных согласных из сочетаний типа *tʏrt, передаваемых написаниями с русским порядком букв (тър, ѡр, ѡл, ѡл), указывал в свое время еще И. В. Ягич [Ягич 1876]. Так, например, написания **тър** в соответствии с *tʏrt отмечены в Остр. Ев. (второй писец), Минее 1097 г., Чуд. Пс. XI в. [Сидоров 1966: 35].

В значении паерка употребляется надстрочный знак и на конце слов внутри строки, за которыми следуют энклитики **ста**, **же**, например, **плодигъ ста** 65б 19, **видѣвъ же** 55в 4, **имъ же** 168в 4.

Наличие в ТЕ написаний одних и тех же слов, при этом нередко в одной и той же форме, то с буквой редуцированного после буквы согласного, то с надстрочным знаком вместо буквы редуцированного, убеждает в том, что надстрочный знак действительно выполняет роль паерка, ср., например, **послѣдъ|нини** 177г 7 и **послѣднѣта** 23б 19, **ста мьннѣ** 33б 3 и **ста мннѣ** 34а 22, **въпрошъшнхъ** 90а 1 и **въпрошшнмъ** 89г 20, **двьръ|ннѣци** 164в 5 и **двьръ|ннѣци** 164в 6, **вамъ** 159а 18, 21 и **вамъ |** 159а 19, **аминь** 159а 10, **аминь** 50г 11 и **аминь |** 159а 9, **въ каперь|наѡмъ** 60а 17, **въ ка|перьнаѡмъ** 61а 24 и **въ каперъ|наѡмъ** 14в 23.

Веских оснований полагать, что диакритика употребляется для обозначения мягкости согласных, в ТЕ нет.

Способ обозначения мягкости согласных с помощью присоединяемого справа к буквам **н**, **л** и некоторым другим небуквенного значка (крючка), встречающегося лишь в немногих ранних славянских рукописях, ТЕ не известен.

Любая мягкость согласных, исконная и позиционная, может обозначаться в этой рукописи буквенным способом: с помощью употребления после букв мягких согласных йотованных букв и ижи-

цы (ѣ). Так, например, с одной стороны, представлены написания: дѣвлаахъ сѧ 60а 20, соломона (притяж. прил.) 23б 2, рѣвара 60а 1, тажатель 79а 14, црѣца 23а 19, рѣша 75б 12; по нѣмь 60а 6, жатек (мн. им.) 25г 15; глѣю 18а 9, на ню 16б 17, морю 15г 8, съзидю 53г 6, чюль 70г 14, нищюжъ 26б 1, сълѣ 18а 14, ѡлтарѣ 9б 13, притчѣ 24об. (на поле), а с другой — въсходящъ 111г 21, врѣма 83в 3, обращеть 82г 22, о пяти 2б 11, десяти 2г 11, хотѣаше 27а 11, садоукиска 175б 6, окаменко 69б 24.

Буквенное обозначение мягкости согласных проведено в рукописи непоследовательно. Нередко употребление йотованной или нейотованной буквы после буквы согласного, на наш взгляд, может зависеть только от внелингвистического фактора. Так, например, на одном и том же листе рукописи одно и то же слово написано то с **ѣ** после буквы исконно мягкого согласного [л], то — с **е**, ср., с одной стороны, написания **прѣ|селенъе** 3в 5, **прѣ|селенна** 3г 10, **прѣ|селенна** 3г 13, а с другой — **прѣ|селе|ни** 3в 7. Вероятнее всего в приведенных примерах на графическое обозначение или необозначение мягкости согласного [л] оказало воздействие лишь место нахождения рассматриваемого слога: внутри строки (в начале и середине) или в ее конце, при переносе. Писец, по-видимому, был вынужден для соблюдения ровного края правой вертикальной границы столбца «в», то есть под влиянием внелингвистического фактора, употребить после **л** вместо широкой буквы **ѣ** как функциональный эквивалент узкую букву **е**.

Надстрочные знаки над йотованными буквами, стоящими после буквы гласного, в ТЕ употребляются достаточно часто, хотя и столь же непоследовательно. Показательны, например, три написания, находящиеся на одном и том же листе рукописи, в одном и том же столбце и на близко расположенных строках — л. 89а 15—17. В двух из приводимых примеров над **ю** и **ѣ**, употребленными в тождественных условиях (после буквы гласного), надстрочный значок имеется: **оут'връждаюцю**, **поспѣшьств'вжѣцю**, а в одном — отсутствует: **послѣдств'оуюцими**. Как видим, в двух из тех же примеров над **ю**, находящейся после буквы согласного (**щ**), надстрочного знака нет.

Написания с надстрочным знаком над йотованными буквами, стоящими после буквы согласного, в ТЕ единичны, например, **оум'лю** 159в 17. Полагаем, что в надстрочном значке в этом случае не приходится видеть дублирующего (наряду с буквой **ю**) показателя мягкости согласного [л]. Этот случай похож на приведенное выше написание **зѣв'л'ни**, которое, из-за непонятной функции надстрочного знака в нем, отнесено нами к разряду описок или ошибок писавшего.

Случаи постановки надстрочных знаков над группой букв согласных или после такого рода группы, за которой следуют йотованные буквы или буквы гласных переднего ряда, многочисленны, например: **въ ѡдеждахъ** 13в 23, **ѡстаѡлактъ сѧ** 46а 7, **послѣднѧга** 23б 19, **ближнѧга** 60г 10, **съблажнѧктъ** 33в 21, **сѡврѡца** 16в 10, **ослаблѧнъ** 101б 3, **сънемлѡуть сѧ** 164в 21, **сѡуждѡ** 157в 1, **въ кораблѧ** 27б 20, **наѡаждена** 27а 22, **осжжденъ** 88г 21, **дъждь** 14б 2, **ѡгнь** 13г 20, **огньнж** 26б 23, **праздньи** 37б 1, **ѡтѡѡухъ** 25в 1.

Наличие написаний такого рода, как **наѡаждена**, **осжжденъ**, казалось бы, дает основание полагать, что надстрочный знак в этих и подобных им примерах обозначает этимологически мягкий согласный, передаваемый сочетанием букв **жд**. Вместе с тем существование в ТЕ написаний **ослаблѧнъ** или **ѡстаѡлактъ сѧ**, в которых за рассматриваемыми сочетаниями букв согласных, над которыми поставлен надстрочный знак, следуют йотованные буквы, заставляет усомниться в этом предположении.

Считать надстрочный знак показателем мягкости согласных можно, по-видимому, только в случае, если за данными сочетаниями букв согласных не следует йотованная буква. В противном случае приходилось бы отмечать двойное обозначение одного и того же явления (мягкости согласного) одновременно: с помощью надстрочного знака и йотованной буквы. Вне всякого сомнения, графическое излишество такого рода вряд ли целесообразно и оправдано.

Иная, чем в ТЕ, картина обозначения мягкости согласных представлена, например, в Мст. Ев., где «писец Алекса Лазаревич последовательно обозначал надстрочными знаками этимологическую мягкость согласных, входящих в триады по твердости-мягкости ([л], [н], иногда [р]), не обозначал н. з. полумягкость этимологически немягких парных согласных в позиции перед гласными переднего ряда, непоследовательно обозначал мягкость непарных мягких согласных: [ч], [ж], [ш], [щ], (примеры на **ц**, кажется, отсутствуют; интересны единичные примеры на старославянское [жд'], соответствующее древнерусскому [ж]...)» [Апракос: 21]. В отношении интересующих нас в данном случае сочетаний букв согласных Жуковской замечено, что надстрочный знак в написаниях **блюдѡтеса** 132а 22, **огньнокъ** 201г 9, **вожди** 134г 9, **вънемлѡте** 111в 8, **пристоупльшк** 143в 15, «может быть отнесен к двум соседним буквам согласных» **ѡл**, **гн**, **жд**, **мл**, **пл** [Апракос: 24]. К сожалению, в опубликованном тексте Мст. Ев. другие надстрочные знаки, кроме точки на конце строк над буквами согласных, не передаются. Судя же по приложениям к изданию фотовоспроизведениям некоторых листов рукописи, обнаруживаем, что надстрочные знаки над рассматриваемыми соче-

таниями букв согласных как бы «дублируют» уже обозначенную с помощью строчных букв мягкость согласных, во всяком случае второго из них, например: **въ коравль** 41а 24, **помъшлькни** 41б 9, **ославленуоумж** 41б 18, **пристоупльше** 67г 22, **пристѣпльши** 41а 2. Если же принять объяснение роли надстрочного знака как показателя мягкости всего сочетания согласных [Апракос: 24], то получается, что мягкость согласных в такого рода сочетаниях иногда обозначается неоднократно. Так, например, если в написании **помъшлькни** мягкость сочетания [шл] обозначена с помощью надстрочного знака, что, на наш взгляд, маловероятно, то мягкость [л] — еще дважды: с помощью **л** и **к**. То же самое происходит и в сочетаниях «**л** + буква гласного переднего ряда (**и, е, ъ**)», где над **л** имеется еще и надстрочный знак. Наблюдения над такого рода неоднократным обозначением мягкости согласных в двубуквенных их сочетаниях показывают, что допустимы по крайней мере два соображения по поводу этого графического феномена. Во-первых, можно полагать, что надстрочный знак, расположенный над сочетанием этих согласных (причем в Мст. Ев. часто над второй буквой данного сочетания, а в ТЕ, где этот знак нередко бывает несколько или даже значительно сдвинут вправо, иногда даже не только за эту букву, но и за вторую, например, **истръвляга** 70в 17), должен иметь отношение все-таки не ко всему сочетанию, как считала Жуковская, а лишь к одной букве и именно к первой из них. И, во-вторых, надстрочный знак в рассматриваемых случаях представляет собой, на наш взгляд, не значок мягкости, а паерок, разбивающий сочетание согласных на открытые слоги. Мягкость же второго согласного и таким образом самих рассматриваемых сочетаний графически выражена либо буквой согласного, как в Мст. Ев. — **л, н, д**, либо употреблением после нее йотованной буквы или **ѣ** (ижицы), как это представлено в ТЕ.

Анализ написаний с надстрочным знаком над группой букв согласных или после нее показал, что основной функцией этого знака в ТЕ является обозначение деления слова на слоги, то есть надстрочный знак выступает в роли паерка, с помощью которого может обозначаться открытый слог в слове. Иначе как объяснить появление надстрочного знака при сочетаниях букв согласных, в которых, во-первых, согласный не был мягким и, во-вторых, после букв согласного этимологически не должно было бы быть буквы редуцированного гласного, например, **постраждеть** 73г 16, **человѣчьскыи** 31г 2, **садоукенска** 30в 19, **чльчьскыи** 50г 24, **таланть** 49б 3, 17, **сестра** 106а 18, **мръжю** 169б 16, 25, **двигнжть са** 47в 2, **т'вок** 61а 11.

Итак, наблюдения за надстрочными знаками в ТЕ показали, что они разнообразны по внешнему виду. Расставлены они обычно над

последней буквой в двубуквенных или над каждой из двух последних букв в трехбуквенных сочетаниях гласных или согласных, в том числе и на стыке слов. Графически маркированные эти знаки стоят либо исключительно над буквами *ї, ѡ, ѣ* (ижица), как сдвоенный акут, либо преимущественно над остальными буквами гласных, кроме *ѣ*, как скобочки, или над буквами согласных, как уголки, при этом крупные уголки обычно ставятся в конце строк. Основная функция надстрочных знаков в ТЕ, как показал анализ их употребления, состоит в делении текста на слова и слоги, по-видимому, с целью облегчить его прочтение.

Употребляемые как правило над буквами, обозначающими слогообразующие звуки, и в роли паерка, эти знаки, кроме сдвоенного акута, могут выступать как функциональные эквиваленты.

Случаи взаимного смешения разного вида уголков и скобочек, а также случаи их отсутствия по той или иной причине нередки. Именно такого рода обращение писца ТЕ с надстрочными знаками позволяет предположить, что он, в той или иной мере владевший орфографией надстрочных знаков, более или менее последовательно соблюдал некоторые «правила» их расстановки, возможно, обусловленные теми или иными существовавшими представлениями, поддерживаемыми традицией, и даже, может быть, желанием украсить с помощью этих знаков свое письмо.

Все сказанное об употреблении графически маркированных надстрочных знаков разного вида, выступающих нередко в роли функциональных эквивалентов, в ТЕ, а также в некоторых других ранних восточнославянских рукописях (Изборник, Мст. Ев., Выг. сб., Усп. сб.), может свидетельствовать о том, что сколько-нибудь строго регламентированных, а тем более единых правил или «систем» их употребления в раннем восточнославянском письме не было. Вместе с тем нельзя отрицать существования некоторых определенных правил расстановки надстрочных знаков, например, вместо строчных букв редуцированных гласных в роли паерка или в роли знака мягкости, йотации. Однако в силу разного рода обстоятельств писцы не соблюдали их строго, употребляя знаки различного графического облика и функционального назначения, по-видимому, иногда по собственному усмотрению и при этом с разной степенью последовательности. Нельзя полностью исключать и того, что, будучи осведомленными о наличии надстрочных знаков в древнем греческом и южнославянском письме, восточнославянские писцы по традиции иногда желали лишь графически разнообразить и даже, может быть, как-то украсить с помощью этих знаков текст рукописи.

В заключение считаем необходимым остановиться на проблеме воспроизведения надстрочных знаков в лингвистических изданиях ранних восточнославянских рукописей.

Представляется вполне допустимым при лингвистической публикации наборным способом текста этих рукописей подходить к передаче надстрочных знаков дифференцированно. Надстрочные знаки в публикации могут быть воспроизведены как в полном объеме, так и частично, выборочно. Бесспорно лишь, что в любом случае публикация текста должна сопровождаться в вводных разделах этого издания более или менее подробным описанием графического облика отмеченных в рукописи надстрочных знаков, характеристикой их семантики и последовательности употребления.

Воспроизведение в издании текста ранней восточнославянской рукописи всех употребленных в ней надстрочных знаков вполне возможно. Достаточно высокий в настоящее время уровень техники позволяет это осуществить. Однако даже в лингвистической публикации текста всегда ли воспроизведение всех без исключения надстрочных знаков так уж необходимо? В данном случае, конечно, не имеются в виду такие надстрочные знаки, как титла и разного вида знаки, стоящие над буквами *і*, *ѡ*, *ѣ* (ижица) и составляющие графический облик этих букв.

Главным основанием при отборе для воспроизведения в лингвистическом издании остальных надстрочных знаков должна быть их языковая, прежде всего фонетическая значимость. При небольшом количестве этих знаков в рукописи передача всех случаев их употребления в публикуемом тексте допустима, а иногда даже и желательна.

В качестве положительного примера в рассматриваемом плане следует указать издание Савв. кн. в 1999 г., в наборном воспроизведении текста которого сохранены надстрочные знаки. И сделано это даже несмотря на то, что в данном издании наборный текст каждого листа рукописи сопровождает его фотовоспроизведение.

Бесспорно, возможна и выборочная передача в публикации надстрочных знаков. Как показывают наблюдения за употреблением этих знаков в ранних восточнославянских рукописях, вне всякого сомнения, подлежат воспроизведению в первую очередь надстрочные знаки над буквами согласных, имеющие чаще всего значение паерка или значка мягкости, а также знака йотации над буквами гласных.

В том случае, если публикатором выявлены лишь немногочисленные примеры отклонения от последовательного употребления того или иного надстрочного знака в определенном положении, или

такие примеры не отмечены вовсе, на наш взгляд, допустимо, приводя отмеченные исключения в любом удобном для издателя месте книги (в вводных разделах или в примечаниях к тексту), вообще не воспроизводить в публикуемом тексте надстрочных знаков, ограничившись изложением результатов их анализа в вводных разделах публикации.

При издании текста, в котором графически маркированные надстрочные знаки употребляются преимущественно как функциональные эквиваленты, а расстановка этих знаков отличается непоследовательностью, допустимо всех этих знаков не передавать. Достаточно, на наш взгляд, в этом случае воспроизвести лишь надстрочные значки, имеющие фонетическое значение, такие, например, как паерок, значок мягкости согласных, а также знак йотации. Надстрочные знаки, находящиеся над одной или двумя стоящими рядом буквами гласных, в том числе и на стыке слов, и, как принято считать, преимущественно являющиеся результатом следования византийской традиции употребления этих знаков, можно не сохранять в публикации хотя бы потому, что изобилие знаков может способствовать значительному увеличению в ней ошибок и опечаток. С этой же целью возможна в публикации и передача одного или нескольких знаков в условном графическом облике, в особенности в случае, когда эти имеющие разный рисунок знаки употребляются как функциональные эквиваленты. Представление о рисунке имеющихся в рукописи надстрочных знаков могут дать прилагаемые к издаваемому тексту фотоиллюстрации отдельных или всех листов рукописи (см. публикацию Савв. кн. в 1999 г.).

Выборочная передача в публикуемом тексте только одного или нескольких из всех представленных в рукописи надстрочных знаков непременно должна быть мотивирована и проведена последовательно. Если же написаний без надстрочного знака в рукописи немного по сравнению со случаями их постановки, то эти случаи отклонения, возможно, стоит привести списком в вводных разделах публикации, или всякий раз сообщать о них в подстрочных примечаниях к тексту. Полагаться же только на факсимильное издание текста, по нашему мнению, не приходится, поскольку одно лишь фотовоспроизведение текста рукописи (без публикации его набором с предварительным анализом употребления в нем надстрочных знаков) не всегда в силу различных причин может отражать действительное состояние надстрочных знаков в рукописи, ибо на фотографии могут в междустрочье появиться изображения случайного происхождения, не являющиеся надстрочными знаками.

Надежнее всего факт наличия в рукописи надстрочных знаков и их рисунок могут быть установлены лишь при обращении к подлиннику. По фотовоспроизведению текста чаще всего можно наиболее достоверно судить главным образом о месте расположения надстрочного знака.

Итак, лингвистической публикации текста, снабженного надстрочными знаками, должен предшествовать анализ их графического облика, семантики и последовательности употребления. Лишь на основании полученных результатов этого анализа может быть принято решение о том, все ли употребленные в рукописи надстрочные знаки следует воспроизводить в публикации и, если не все, то какие именно из них. В лингвистических изданиях несомненно должны передаваться значимые в языковом отношении знаки. Ими в ранних восточнославянских рукописях обычно являются надстрочные знаки над буквами согласных. Непременно приложенные к публикуемому тексту фотографически воспроизведенные хотя бы несколько листов рукописи дадут представление о графическом облике и месте расположения этих знаков, иногда, возможно, и о степени последовательности их употребления. В самом издании для надстрочных знаков, одного или нескольких, могут быть приняты условные, унифицированные значки.

Крайне нежелательно, строго говоря недопустимо игнорировать воспроизведение лингвистически значимых надстрочных знаков.

Рукописные источники

- Остр. Ев. — Остромирово Евангелие 1056—57 гг. РНБ, Ф. п. I. 5.
ТЕ — Типографское Евангелие XII в. РГАДА, ф. 381, №1.
Чуд. Пс. — Чудовская Псалтырь XI в. ГИМ, Чуд. № 7.

Опубликованные источники и литература

- Апракос — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.
- Булатова 1973 — Булатова Р. В. Надстрочные знаки в южнославянских рукописях XI—XIV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 90—91.
- Востоков 1865 — Востоков А. Х. Филологические наблюдения / Изд. И. И. Срезневский. СПб., 1865. С. 140.
- Выг. сб. — Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко. Под ред. С. И. Коткова. М., 1977. С. 65.

- Гольщенко 1982 — *Гольщенко В. С.* Немаркированный знак ζ в ранних восточнославянских рукописях // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982.
- Гольщенко 1987 — *Гольщенко В. С.* Немаркированные буквенные знаки и их передача в лингвистических изданиях // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987.
- Гольщенко 1995 — *Гольщенко В. С.* Переднеязычные аффрикаты в графике ранних восточнославянских рукописей // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995.
- Гольщенко 2000 — *Гольщенко В. С.* Конец строки и приемы его маркирования в раннем восточнославянском письме // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2000>. М., 2000.
- Дурново 1922 — *Дурново Н. Н.* Смягченные согласные в языке писца 2 почерка Архангельского евангелия // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Т. II. Одесса, 1922. С. 140—147.
- Изборник — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- Карский 1855 — *Карский Е. Ф.* Особенности письма и языка Мстиславова евангелия // РФВ, т. XXXIY, 1885.
- Карский 1979 — *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 224—235.
- Марков 1965 — *Марков В. М.* Надстрочные знаки в памятниках русского письма XI—XII столетий // Итоговая научная конференция Казанского гос. ун-та за 1963 год. Краткое содержание докладов. Казань, 1965. С. 75—76.
- Савв. кн. — Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI—XII и конца XIII века. М., 1999.
- Сидоров 1966 — *Сидоров В. Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966. С. 35.
- Словарь р. яз. — Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. М., 1953.
- Соколова 1930 — *Соколова М. А.* К истории русского языка в XI веке // Изв. по русск. яз. и словесности. Т. III, кн. 1. Л., 1930.
- Тот 1976 — *Тот И. Х.* Житие Феклы // *Studia slavica. Academiae scientiarum Hungaricae.* Т. XXII. F. 3—4. Budapest, 1976.
- Тот 1985 — *Тот И. Х.* Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII вв. София, 1985. С. 274—279.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
- Ягич 1876 — *V. Jagic.* Über einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus // *Archiv für slavische Philologie.* 1876. Bd. I. H. 3. S. 337—412.